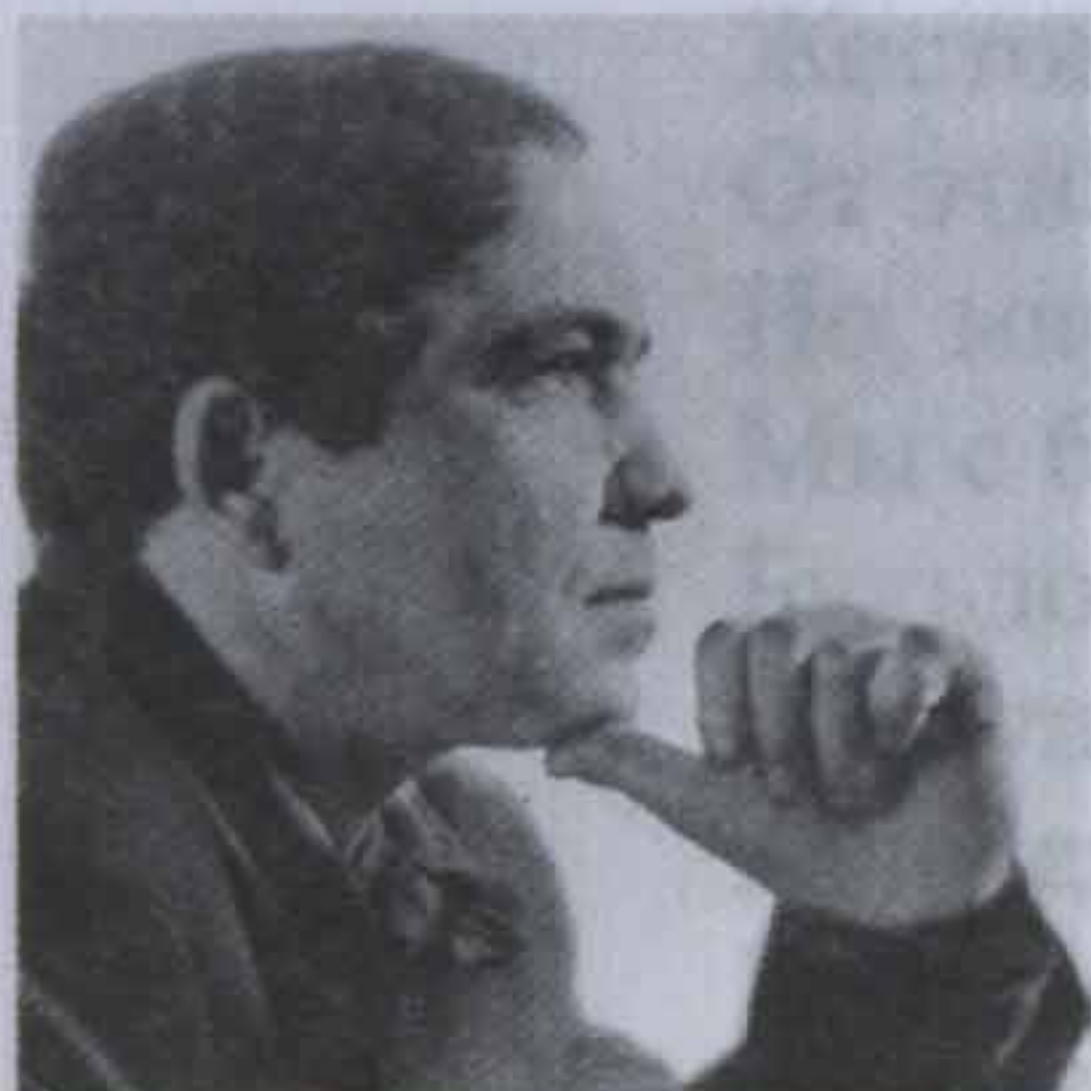

ЗАМЯТИН Евгений Николаевич

Поэт, член Союза писателей России (1974).

Родился 21 января 1947 в деревне Замятино Кировской области. Окончил заочно Лит. институт им. А. М. Горького. Работал плотником, заточником резцов на Карагандинском и Нижнетагильском металлургических комбинатах, на Ермаковской ГРЭС, с 1974 – журналистом на Сахалине. Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Юность», «Простор», «Дальний Восток», альманахе «Поэзия», сборниках «Сахалин». Автор пяти книг стихотворений и поэм. В 1985 переехал в Амурскую область, заведовал редакционно-издательским отделом БСХИ. В последующие годы редактировал газету строителей Бурейской ГЭС в п. Талакан.

Умер 15 июля 1993. Похоронен в Талакане.

СОЧИНЕНИЯ:

Я не видел отца. Алма-Ата, 1969

Дикотравье. Свердловск, 1974

Перекаты. М., 1977

Одолень. Южно-Сахалинск, 1980

Рунный ход. Хабаровск, 1988

Сахалин: Фрагмент поэмы // Приамурье-2005: Литературно-художественный альманах

«Я не видел отца...»: Стихи // Приамурье-2015: Литературно-художественный альманах

ЛИТЕРАТУРА:

Каминская Я. Признание в любви: [О творчестве Е. Замятина] // Мол. гвардия. Южно-Сахалинск. 1979. 27 окт.

Е.Н. Замятин: [Краткая биограф. справка] // Таранин Г. Издаёт Дальневосточное книжное. Владивосток, 1981

Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 156

КАМЕНЬ МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ

Эту песню напели мне
дымные вьюги Тагила.
Из поверий и сказов
ко мне она ночью пришла.

В сорок третьем году
крановщица завода Ненила

трёх сынов потеряла
и с горького горя слегла.

А потом умерла.
За еланью её схоронили,
там, где редкие сосны
глядят в травяную гладь.

И на диво всему
на могиле усопшей Ненилы
вырос камень-магнит,
да такой, что троим не поднять.

Как-то раз на заводе
магнитной руды не хватило.
И тогда странный камень
решили расплавить в металл.

Привезли, загрузили — расплавили.
Дивное диво:
вырос камень опять,
только больше размерами стал.

С той поры недостатка
в руде дорогой не бывало.
И с конвейера танки сходили,
бронёю блестя.

Говорят, их ничто
и в боях, и в походах не брало.
И снаряды, и мины
для них были сущий пустяк.

И досель этот камень
в окрестностях гор сверкает,
для суровой години
свой вечный запас хранит.

На земле ведь добрее
и крепче вовек не бывает,
чем магнит.
Материнской любви магнит!

БАНЯ

Едут в армию россияне.
За вагоном ночь глубока.
Начинается служба с бани:

с мыла,
с веника,
с кипятка.

Ах, как жарили мы друг друга
разопревшим березняком!
Проплывали в пару, как струги,
шайки с пенистым молоком.

«Старики» всерьёз пропотели,
нас хлеща по задам — как есть, —
будто выколотить хотели
всю «гражданскую» нашу спесь.

Всё зелёное, всё пустое,
и сопливость, и гонорок,
чтобы стали мы чище втрое,
чтобы служба пошла нам впрок,

На Урале,
в Москве,
в Саянах

боевые стоят посты.
Служат в армии россияне,
как снега в январе, чисты!

УБЕЖДЁННОСТЬ

В мире, нами встреченном,
солнечном и пасмурном,
мы — сыны Отечества,
а никак не пасынки.

Потому-то трудно нам,
потому в ответе мы
и за ягель тундровый,
и за окна Сретенки.

Выдано нам времени
по ничтожной смете.
Только мы не временны,
нас продолжают дети,

Книги, что написаны
и по свету кружат.
Нас продолжит истина —
та, которой служим,

та, с которой здания
строим и плотины
на земле израненной,
на земле былинной.

Та, что в час решительный
помогала свято
славному воителю —
русскому солдату.

ИЗ ДЕТСТВА

Я видел на базаре
Старшину.
Он с шапкой шёл,
Сутулый, угловатый,
И скорбно пел
Про страшную войну,
Про женщину,
Забывшую солдата.

Зажравшийся лощёный
«Доброхот»
Ему шипел вослед,
Буравя глазом:
«Смотри, скулит,
А сам, поди, живёт
Почище нас
И водку жрёт, зараза...»

Хамили парни,
Меряя глотки,
Брезгливо морщась,
Шли девчонки мимо.
И шлёпались монеты,
Как плевки,
В ушанку,
Побуревшую от дыма.

Он слышал всё.
Отчаянный, слепой,
Он шёл на брань,
На смех,
На стерв
И выжиг,
Как в сорок пятом
Шёл в последний бой,
Чтоб победить,
А повезет — и выжить!

Но боль всё громче
Тикала в виски,
Всё злей слова обидные
Хлестали.
И покатились в угол
Пятаки,
И зазвенели жалобно
Медали...

Молчи, подонок,
Прочь с пути, шпана!
Друзья, повесьте
Траурные флаги.
В тот день ненастный
Умер старшина,
Который расписался
На Рейхстаге.